

Плодом большого труда был составленный И. Н. Бороздиным «Биографический словарь членов Московского археологического общества». Это фундаментальное издание поныне используется советскими археологами в качестве ценного справочника.

Историографический характер носят этюды И. Н. Бороздина: «К вопросу о современных направлениях в изучении древней истории» (Харьков, 1912), «Научные заслуги М. И. Ростовцева», а также статьи «Тураев» и «Фармаковский», напечатанные в энциклопедическом словаре Гранат. Интерес к историографии юбиляр сохраняет до настоящего времени. Заслуживает быть отмеченной опубликованная в «Вестнике древней истории» (1951, № 2) работа П. Н. Кудрявцев как историк древнего мира».

Следует отметить большую редакторскую деятельность юбиляра. Он являлся постоянным сотрудником журнала «Гермес», начиная с момента его основания. С 1922 по 1930 г. И. Н. Бороздин был заведующим историко-этнологическим отделом журнала «Новый Восток», в котором находили освещение некоторые проблемы истории древнего Востока. С предисловиями и под редакцией И. Н. Бороздина вышли многие научно-популярные и художественные произведения по древней истории.

И. Н. Бороздин принимал активное участие в международных и всесоюзных конгрессах, в том числе в 3-м Международном археологическом конгрессе в Риме, где он выступил с сообщением о развитии отечественной археологии. И. Н. Бороздин ездил в научные командировки в Турцию, Грецию, Германию, Францию, Италию, Швейцарию, Швецию.

Большое внимание уделяет проф. И. Н. Бороздин подготовке молодых научных кадров. Свыше десяти подготовленных им аспирантов успешно защитили кандидатские диссертации. Многие его ученики работают в вузах нашей страны.

Приветствуя И. Н. Бороздина в связи с его семидесятипятилетием, редакция «Вестника древней истории», его многочисленные друзья и ученики желают ему многих лет здоровья и дальнейших успехов в его научно-педагогической деятельности.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Я считаю своим долгом во избежание дальнейших недоразумений ответить на письмо акад. А. И. Тюменева, посланное им в редакцию ВДИ по поводу моей статьи, опубликованной в ВДИ, № 4, 1957 г., стр. 3—18.

В моей статье акад. А. И. Тюменев устанавливает лишь моменты полемики, но не исследования. Я полагаю, что подобное утверждение не является справедливым, поскольку моя статья является, несомненно, исследовательской. Что же касается полемических моментов, имеющих в ней, то наличие их было обусловлено не моей любовью к полемике, а моим желанием защитить давно высказанные мной положения от нападок на них.

В дальнейшем акад. А. И. Тюменев упрекает меня в неправильном истолковании двух мест в его книге, хотя мое истолкование покоится на подлинном тексте автора. На самом деле, в первом случае А. И. Тюменев утверждает, что в документе Ник. 19 «в списки людей, принадлежащих Бау, отнесены одинаково и взрослые члены семей (в том числе отцы и вдовы умерших глав семьи, возглавлявшие сиротевшие семьи), и малолетние, и принадлежащие этим семьям рабы и рабыни». Я из приведенного текста мог сделать лишь тот вывод, что, по мнению акад. А. И. Тюменева, в документе Ник. 19 отцы заменяют своих умерших сыновей, как в других случаях вдовы своих умерших мужей. Поэтому для опровержения моего толкования акад. А. И. Тюменев должен был дать дополнительное разъяснение, которого в приведенном тексте не имеется. Так же и во втором случае акад. А. И. Тюменев вносит для опровержения моего истолкования дополнительное разъяснение, отсутствующее в самом тексте его книги. Что касается имени Некуш, то я могу заверить акад. А. И. Тюменева, что данное имя, отсутствующее среди имен архива храма богини Баба, является опиской древнего писца для имени «Несат». В одной из ближайших работ я приведу ряд примеров подобных описок. В моей работе, посвященной войне Лагаша с Уммой в эпоху Урукагины.

я привожу еще пример того, что акад. А. И. Тюменев в недостаточной степени учитывал влияние этой войны на экономику Лагаша времени царя-реформатора.

Поскольку акад. А. И. Тюменев приводит в своей книге имена ряда представителей храмового персонала богини Баба, то, конечно, была бы желательна их конкретизация.

Установление правильного числалуб-дугалей в Лагаше эпохи Урукагины является настолько существенным, что я считал необходимым его коснуться уже в моей статье в ВДИ, 1957 г., № 4.

В конце своего письма акад. А. И. Тюменев упрекнул меня в том, что тон моих критических замечаний «не соответствует объективному, достойному ученого тону». Мне казалось, что тон моих критических замечаний не отличается от тона критических замечаний А. И. Тюменева по отношению к моим высказываниям (см. хотя бы прим. 5 на стр. 175 его книги). Во избежание же в будущем каких-либо обид со стороны акад. А. И. Тюменева я в дальнейшем моем исследовании буду ограничиваться одной лишь констатацией неполадок, устанавливаемых мной.

В. Струве

28 октября 1958 г.

ЛУРИСТАНСКИЕ БРОНЗЫ И КАССИТЫ

Конец 1930 г. я провел в Лондоне, подготавливая каталог первой Выставки персидского искусства, которая затем открылась 7-го января 1931 г. В это время впервые как на выставке, так и у некоторых антикваров разом появилось большое количество так называемых «Луристанских бронз». Я описывал экспонаты мусульманской эпохи, но мои личные воспоминания о юго-западной Персии в период разграничения турецко-персидской границы в 1913—1914 гг., а также работы над историей Луристана¹ привлекли мое внимание к вопросу о происхождении бронз, который все еще был полной загадкой.

Параллельно с выставкой в Лондоне открылся конгресс персидского искусства, на заседании которого 5-го января 1931 г. я и прочел свой доклад, посвященный определению эпохи бронз. Председествовавший А. У. Поп обратил внимание членов собрания на новизну предложенной мною теории о связи бронз с касситами. Никто из присутствующих не пожелал, однако, открыть прения, хотя после заседания, в частной беседе, покойный М. И. Ростовцев выразил согласие с моей касситской теорией.

Мой доклад с незначительными добавлениями был затем напечатан в художественном журнале «Аполло»², где он и был основательно забыт.

Я предлагаю его теперь в моем русском переводе, так как не изменил своей точки зрения, а также ввиду того, что некоторые из приводившихся мною аргументов еще не вошли в обиход науки. Таково, например, мое соображение относительно названия луристанской реки Кашган (Кашаган)³, в котором, как мне кажется, до наших дней сохранилось воспоминание о живших здесь в древности касситах (кашпу).

Я перевожу свою статью как документ 27-летней давности, не вводя в нее поправок и ссылок на позднейшие исследования и толкования.

ЛУРИСТАНСКИЕ БРОНЗЫ

Выдающейся чертой выставки персидского искусства являются так называемые «Луристанские бронзы», но восхищающиеся ими посетители несколько озадачены тем, что каталог молчит о времени и происхождении этих прекрасных древностей.

В этом умолчании никто не повинен. Луристанские бронзы, которые были пред-

¹ См. *Encyclopédie de l'Islām*, Leiden, 1928, *Luristān* и т. д.

² «*Apollo*», 1931, London, стр. 141—142.

³ Окончание — *agān* — есть иранский суффикс множественного числа.